

ВОПРОСЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СТАНДАРТА ПРОВЕДЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ

А.Д. НАЗАРОВ, кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса Сибирского Федерального
Университета

Ключевые слова: эффективность расследования, пытка, недозванные (незаконные) методы, следственные и судебные ошибки

Статья посвящена рассмотрению основных компонентов европейского стандарта эффективного расследования дел, связанных с соблюдением установленных Европейской Конвенцией правом на жизнь (ст. 2) и запретом пыток (ст. 3) в контексте российского уголовного судопроизводства.

The article considers the main components of the European standard of effective investigation of cases related to compliance with the established European Convention right to life (Article 2) and the prohibition of torture (Article 3) in the context of the Russian Criminal Procedure.

В уголовном судопроизводстве нередко обвиняемые во время предварительного расследования, а чаще всего — на судебных стадиях и стадии исполнения приговора делают заявления о применении к ним со стороны оперативных работников в процессе предварительного расследования незаконных методов: различных угроз, насилия и др.

По таким заявлениям проводятся служебные, следственные и прокурорские проверки руководителями правоохранительных органов, следователями, прокурорскими работниками, однако, в разряд доказанных уголовно наказуемых деяний попадают лишь единицы, как правило, наиболее вопиющие, наглядные, приковавшие к себе внимание правозащитных организаций или средств массовой информации.

Крайне тревожным выглядит и то обстоятельство, что по ст.ст. 2 (право на жизнь) и 3 (запрет пыток) Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека (далее ЕСПЧ) в отношении России вынес уже более 85 Постановлений.

ЕСПЧ в своих решениях методично предлагает судам, прокуратуре и следственным органам России стандарты эффективного расследования уголовных дел о применении насилия со стороны должностных лиц правоохранительных органов по отношению к гражданам. Следует заметить, что эти стандарты во многом можно успешно использовать не только по делам о применении насилия, но и при расследовании других преступлений.

Ученые — юристы в своих работах показывают отечественным правоприменителям пути имплементации международных, в том числе — европейских, стандартов эффективного расследования уголовных дел¹. Но такие стандарты крайне медленно пробивают себе дорогу в жизнь в России.

Европейский стандарт эффективного расследования включает в себя следующие принципы: **быстрота расследования; независимость расследования; тщательность расследования; доступ пострадавших к расследованию.**

При этом следует иметь в виду, что ЕСПЧ понимает расследование в широком смысле, включающее в себя реагирование судей и должностных лиц на информацию о предполагаемых пытках и случаях насильственной смерти; процесс подачи жалобы на пытки или сообщений о предполагаемой насильственной смерти; проведение неотложных следственных действий; все виды и формы служебных и следственных проверок; расследование как таковое; вынесение решений по сообщениям и обжалование этих решений.

Таким образом, с позиций российского законодательства европейский стандарт эффективного расследования распространяется как на стадию возбуждения уголовного дела, так и на последующие стадии уголовного процесса.

Принцип тщательности и быстроты расследования требует от компетентных органов при поступлении к ним сведений о пытках и насильственной смерти человека с достаточной быстротой принимать меры для проверки этих сообщений.

Однако в делах, рассмотренных ЕСПЧ против России, отсутствовали надлежащие реакции следственных органов на поступающие к ним обоснованные жалобы и информацию о пытках и насильственной смерти. Должностные лица отказывали в возбуждении уголовного дела и проведении предварительного расследования, возбуждали уголовные дела с опозданием (дело Медова и др.)². По делу Кукаева уголовное дело расследовалось прокуратурой с квалификацией по ст. 126 УК РФ, и лишь спустя несколько лет оно стало расследоваться по ст. 105 УК РФ. Ведение расследования уголовного дела с неверной правовой квалификацией ЕСПЧ приравнял к фактическому отсутствию расследования.

По делу Полонского следователь, который вел его уголовное дело, не предпринял шагов, чтобы инициировать проверку жалоб заявителя на пытки — такая проверка была начата прокуратурой лишь после поступления тула жалобы матери заявителя. Это и было отмечено ЕСПЧ как нарушение ЕКПЧ. По делу Тахаева и других Россия как государство — ответчик объясняло задержку с возбуждением уголовного дела по факту похищения человека тем, что заявители обратились в милицию, а не в прокуратуру. ЕСПЧ не признал это в качестве весомого аргумента и указал, что государственные органы должны организовать взаимодействие друг с другом таким образом, чтобы не нанести вред эффективности расследования.

Говоря о **скорости проведения следственных и иных процессуальных действий**, ЕСПЧ требует, чтобы, начав расследование, не было необоснованных задержек в следственных действиях (дело Эстамирова и других). Это требование в первую очередь касается тех действий, эффективность которых снижается с течением времени, например, медицинской экспертизы лица, жалующегося на пытки, осмотра места происшествия, допроса очевидцев.

Во многих делах против России ЕСПЧ отмечал ничем не объяснимые периоды бездействия органов расследования, когда расследование было приостановлено в течение многих месяцев или даже нескольких лет (дела Кукаева; Трапезникова и многие другие). Самостоятельным нарушением ЕСПЧ признавал неоднократное приостановление и возобновление производства по уголовному делу (дело Эстамирова и др.). При утрате уголовных дел задержку в восстановлении утраченных материалов расследования ЕСПЧ также считал нарушением обязанности провести быстрое расследование (дело Атабаева и других).

Недостаточную тщательность расследования ЕСПЧ связывает с отсутствием необходимых следственных действий, экспертиз — медицинской, психиатрической, баллистической и др. (дела Надрасова; Михеева и др.); отказом компе-

тентных органов установить и допросить свидетелей, потенциальных подозреваемых, направить необходимые запросы в другие ведомства; не проведением осмотра места происшествия (дела Барабанщикова; Белоусова и др.) и т.п. В вопросах качества доказательств у ЕСПЧ особый подход к качеству и независимости экспертизы. В деле Барабанщикова ЕСПЧ указал, что медицинский эксперт должен быть и формально, и фактически независимым, иметь соответствующую подготовку и широкие полномочия. В этом же деле ЕСПЧ отметил, что национальными компетентными органами были применены разные стандарты при оценке показаний заявителя и сотрудников милиции: показания заявителя не рассматривались в качестве заслуживающих доверия. В материалах дела указывалось, что показания заявителя представляли собой его личное мнение и отражали «обвинительную тактику» заявителя, а показания сотрудников милиции были признаны достоверными, хотя они могли являться «тактикой защиты» и попыткой дискредитировать показания заявителя.

ЕСПЧ реагирует на нарушение требования мотивировать решение об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении. В деле Полонского ЕСПЧ счел серьезным нарушением отсутствие достаточной мотивировки в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела, а также особое доверие к показаниям сотрудников милиции. В этом же деле ЕСПЧ признал нарушением факт, что заявитель указывал на конкретных должностных лиц, применявших насилие, а уголовное дело было возбуждено в отношении «неустановленных сотрудников милиции», и более пяти лет никто так и не был привлечен к ответственности.

В решениях ЕСПЧ рассматривались и нарушения компетентных органов при осуществлении контроля за качеством расследования. Все в том же деле Барабанщикова ЕСПЧ счел нарушением тот факт, что проверка, призванная установить законность первого решения органов прокуратуры,

проводилась той же сотрудницей прокуратуры, которая его и вынесла.

Российская правоприменительная практика, несмотря на огромное количество проигранных дел рассматриваемой категории, не спешит избавляться от своих пороков. Как данность воспринимаются многократные отказы в возбуждении уголовных дел и отмены постановлений с такими отказами — практика «пинг-понга», как ее образно и совершенно правильно назвали правозащитники³. А неспособность, подчас — и нежелание, должностных лиц государства обеспечить адекватное расследование «пыточных» уголовных дел вынуждает заниматься этим общественные правозащитные организации, которые достаточно успешно проводят общественные расследования по обращениям граждан о применении к ним насилия со стороны милиционеров, госнаркоконтролеров и др.; предлагают эффективные технологии общественных расследований, которые полезны были бы на практике и для официальных расследователей таких дел⁴.

Подозреваемый, обвиняемый в результате применения к нему со стороны работников правоохранительных органов незаконных методов, испытывавший физическую боль, будучи запуганным и психологически сломленным, на допросах у дознавателя, следователя, в суде «добровольно» дает признательные показания, которые могут быть как истинными (подозреваемый, обвиняемый, действительно, виновен, совершил преступление, но признательные показания дал лишь после применения к нему насилия и пыток), так и ложными, в том числе — оговор, самооговор.

С полученных в результате применения недозволённых (незаконных) методов недопустимых доказательств и начинается цепь, как минимум, следственных, прокурорских и судебных ошибок, а подчас и преступлений, совершаемых дознавателями, следователями, прокурорами и судьями, что представляет опасность для отправления правосудия по уголовным делам.

¹ Терешкова В.В. Применение европейских стандартов прав и основных свобод человека в российской правовой системе // Борьба с произволом в работе правоохранительных органов: материалы семинара. Красноярск, 2005. С. 7-16; Шепелева О.С. Принципы и стандарты расследования сообщений о пытках: практич. пособие. М., 2008; Чиков П.В. Нарушение права на эффективное средство правовой защиты в уголовном процессе // Нарушения прав человека российскими правоохранительными органами: причины и масштабы явления, практика и эффективные методы защиты прав пострадавших: материалы конференции. М., 2005. С. 38-52 и др.

² Постановления ЕСПЧ: Atabayeva and others v. Russia, no. 26064/02, judgment of 12 June 2008; Barabanshchikov v. Russia, no. 36220/02, judgment of 8 January 2009; Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008; Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00 and 35078/04, judgment of 12 October 2009; Kukayev v. Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007; Medov v. Russia, no. 1573/02, judgment of 8 November 2007; Mikhayev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 January 2006; Nadrosov v. Russia, no. 9297/02, judgment of 31 July 2008; Polonskiy v. Russia, no. 30033/05, judgment of 19 March 2009; Takhayeva and others v. Russia, no. 23286/04, judgment of 18 September 2008; Trapeznikova v. Russia, no. 21539/02, judgment of 11 December 2008 // <http://www.cmliskp.echr.coe.int>

³ Пытки в России. Позиция власти, правозащитников и Комитета ООН против пыток: сб. док. М., 2006. С. 155.

⁴ Каляпин И.А., Шепелева О.С., Карпов П.Е. Пытки. Преступления без наказания. Н.Новгород, 2004; Борьба против пыток в правоохранительных органах: рекомендации правозащитным организациям Н.Новгород, 2002. С. 20-49; Барабаш А.С., Брестер А.А. Защита интересов граждан, пострадавших от незаконного насилия со стороны сотрудников милиции. Ч. 1 // <http://krasn.pravo.ru/review/analytic/view/28381/>; Там же. Ч. 2. // <http://krasn.pravo.ru/review/analytic/view/28417/>; Барабаш А.С. Совершенствование уголовно-процессуального механизма защиты граждан от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина: сб. ст. Томск, 2006. С. 45-48; Барабаш А.С. Незаконное насилие в деятельности правоохранительных органов при расследовании уголовных дел и способы его преодоления // Университетські наукові записки. Часопис Хмельницького університету управління та права. 2007. № 2. С. 338-343; Барабаш А.С. Незаконное физическое и психическое насилие, применяемое сотрудниками милиции для получения признательных показаний — одно из проявлений коррумпированности правоохранительных органов // Коррупция и демократия: сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Красноярск, 2007. С. 18-23 и др.